

Император Чунчжао пребывал в превосходном расположении духа: одна из давних забот наконец покинула его сердце.

На самом деле он и раньше помышлял о том, чтобы возвести покойную наложницу Юнь в ранг императрицы. Согласно законам Великой Чжоу, лишь законная супруга государя могла разделить с ним упокоение в одной усыпальнице. Изначально император Чунчжао планировал оставить предсмертный указ, дабы его преемник исполнил эту волю, позволив им воссоединиться в императорском кургане. Но теперь всё разрешилось одним махом.

Стоило ему войти во дворец Цзычэнь, как до слуха донёлся звонкий детский крик:

— Хочу большого чёрного мотылька!!

Император Чунчжао на мгновение замер, а затем решительно переступил порог.

Картина, представшая его взору, была весьма своеобразной: посреди зала на мягком ковре сидел ребёнок. Цюй Дубянь, босоногий и взлохмаченный, мёртвой хваткой вцепился в кусок чёрной ткани. Присмотревшись, император понял, что материал кажется ему подозрительно знакомым.

Взгляд государя поднялся выше — и он увидел, что тяжёлый полог, закрывавший ложе от света, сорван наполовину. Оставшаяся часть ткани сиротливо свисала с карниза, напоминая щербатый рот.

— Что здесь происходит? — осведомился император Чунчжао.

Евнух Бао с сокрушённым видом отвесил глубокий поклон.

— Ваше Величество, Маленький принц проснулся сегодня ни свет ни заря, точно от дурного сна. С тех пор он требует что-то чёрное и ни на миг не выпускает ткань из рук. Полог он стащил сам, едва мы отвернулись.

— Если он хочет ткань — дайте ему, — пожал плечами император. — Неужели во дворце Цзычэнь не найдётся лишнего отреза шёлка?

— Да если бы дело было в шёлке... Посмотрите сами, — евнух Бао развёл руками.

Стоило евнуху отойти, как ребёнок, накинув на себя чёрную материю, повалился на пол и принялся активно под ней копошиться, медленно ползая по ковру. Со стороны он походил на странное насекомое или огромную чёрную гусеницу.

Император Чунчжао глубоко вздохнул и присел на корточки рядом с этим шевелящимся холмиком. В таком положении было решительно невозможно разобрать, где у сына голова, а где — пятки.

— Сяо Ци, вылезай. Тебе там не душно?

Из-под ткани донёлся приглушённый голос:

— Хочу большого чёрного мотылька.

— Какого ещё мотылька?

— Того, что умеет летать. Огромного и чёрного!

Это описание было одновременно туманным и пугающе точным. Евнух Юй, стоявший поодаль, внезапно прозрел и, склонившись к самому уху императора, прошептал:

— Ваше Величество, должно быть, Его Высочество имеет в виду того стража... что нашёл его и принёс во дворец.

Тот ведь был в маске и во всём чёрном.

Брови императора Чунчжао едва заметно дрогнули.

Тканевый «кокон» снова зашевелился, и из него высунулась вихрастая голова. Цюй Дубянь уставился на отца полными надежды глазами:

— Ты сможешь мне найти большого чёрного мотылька?

— Нет никаких мотыльков, — отрезал император. — Я велю другому человеку научить тебя «летать». Но только когда ты окончательно поправишься.

Цюй Дубянь поник.

— Евнух Бао говорил, что Ваше Величество — самый могущественный человек в мире и может всё на свете. Выходит, он наврал.

Император Чунчжао покосился на евнуха Бао. Тот вжал голову в плечи, отчаянно вспоминая, когда это он успел такое сболтнуть.

— Будет тебе мотылёк, — сдался император. — К вечеру найду.

К полудню в главном зале дворца выстроилась шеренга евнухов, облачённых в чёрные одеяния. Среди них затесалось и несколько стражников, владевших боевыми искусствами — все как один в тёмном.

Император Чунчжао рассудил просто: что смыслит ребёнок? Тот страж был в маске, лица принц не видел, а значит, можно просто подсунуть кого-то похожего.

Мальчик, который едва дорос императору до колена, медленно пошёл вдоль строя, смешно шевеля кончиком носа, словно к чему-то принюхиваясь.

Закончив осмотр, он разочарованно выпятил нижнюю губу.

— Здесь нет большого чёрного мотылька, — Цюй Дубянь указал пальцем на шеренгу и поднял голову на отца. — И на рукавах у них нет зелёных цветочков. Ты меня обманул.

У императора Чунчжао разболелась голова.

«У него же был сильный жар, — недоумевал государь, — как он умудрился всё так точно запомнить?»

Мальчик вроде не из породы гончих, а поди ж ты — почувал подвох. Не выдержав натиска детской логики, император сдал пост Е Сяюяню и слугам, а сам ретировался в боковой павильон — разбираться с государственными бумагами.

Цюй Дубянь же, недолго думая, снова накинул на себя чёрный шёлк и, проигнорировав все уговоры и сладости, уселся посреди зала. Он замер в позе лотоса, неподвижный и суровый, словно маленький буддийский монах.

Шутки шутками, а на кону стоял целый год жизни. Если не отвоевать стража сейчас, то когда?

В боковом павильоне император Чунчжао отложил кисть. Половина указов была подписана, но на душе было неспокойно.

— Нужно как можно скорее найти ему покладистую наложницу для воспитания, — вздохнул он.

Евнух Юй тихо заметил:

— Тот страж спас Маленького принца, неудивительно, что ребёнок привязался к нему. Может, попробуете ещё как-то его отвлечь? Из главного зала докладывают, что Его Высочество сидит на полу уже несколько часов. Не капризничает, не плачет, но и не встаёт.

— Пусть сидит. Нельзя потакать всем его прихотям.

Прошло ещё полчаса.

— Всё ещё сидит? — спросил император Чунчжао.

Слуга, отправленный на разведку, вернулся с коротким: «Сидит».

Император потёр виски и тяжело вздохнул:

— Какое упрямство. Настоящий камень. И в кого он такой?

Евнух Юй позволил себе слабую улыбку:

— Разве это упрямство? Это твёрдость духа, Ваше Величество. Весь в отца. Не будь у вас такой воли, разве наступил бы в стране мир после стольких лет смуты?

Император Чунчжао усмехнулся:

— Ты смотри у меня, нашёл с кем сравнивать.

— Я лишь говорю правду, государь.

Пришло время ужина. Когда слуги из императорской кухни начали накрывать на стол в боковом павильоне, император Чунчжао вскользь поинтересовался:

— Сяо Ци поел?

— Как раз приступает, — ответил евнух Юй.

— А я-то думал, он решит голодовку объявить.

В этот момент в дверях мелькнула маленькая тень. Цюй Дубянь, прижимая к груди свою миску,

влетел в павильон на всех парах и затормозил прямо перед столом отца.

— Ты чего здесь? — удивился император.

Мальчик посмотрел на свою кашу из папайи, затем — на роскошные яства на столе государя. Этот божественный аромат он почуял ещё в главном зале! Еда из личной кухни императора пахла куда заманвее, чем то, что готовили в Большой кухне.

— Можно мне поесть с тобой? — Цюй Дубянь протянул свою пустую миску.

«Кот выпрашивает объедки», — мелькнуло в голове у императора Чунчжао.

Император вскинул бровь. Стоило жару спасть, как ребёнок стал куда активнее. И этот жест... неужели он действительно хочет быть ближе?

Хотя Цюй Дубянь так и не назвал его «отец-император», лёд в их отношениях явно начал таять. Другие принцы из кожи вон лезли, лишь бы привлечь внимание государя, а этот кроха, за которым император Чунчжао сам ухаживал две ночи напролёт, до сих пор помнил, что в ту ночь отец его не обнял.

Мал, а злопамятен.

Впрочем, император Чунчжао лишь хмыкнул про себя. Неужели он, император великой державы, будет переживать из-за одного несказанного слова?

— Посадите его напротив, — велел он.

Наконец добравшись до императорских деликатесов, Цюй Дубянь заработал ложкой с невероятной скоростью. Он без тени смущения указывал евнуху Юю, что именно ему положить в тарелку, распоряжаясь слугами так уверенно, будто делал это всю жизнь.

Император Чунчжао наблюдал за ним. Мальчик ел с аппетитом, но понемногу, тщательно пережёвывая каждый кусочек. Привычка Цюй Дубяня из прошлой жизни следить за весом была истолкована императором по-своему: «Видать, зубки ещё слабые».

После ужина Цюй Дубянь и не подумал уходить. Он семенил за отцом до самого рабочего стола и, когда император Чунчжао уселся, оперся локтями о столешницу, подперев щеки кулачками.

— Тебе здесь не место, — строго сказал император. — Чего ты от меня хочешь?

— Хочу настоящего большого чёрного мотылька.

— Нет его у меня.

— Тогда зачем ты меня обманул?

Император Чунчжао промолчал.

— Раз не веришь мне — сиди здесь и смотри.

Он вернулся к делам, велел слугам укутать Цюй Дубянь в маленькое одеяльце, чтобы тот не простудился. Государю было любопытно, на сколько хватит детского терпения.

Прошло два часа.

Император Чунчжао подписывал указы, Цюй Дубянь копался в Симуляторе.

Император Чунчжао пил остывший чай, Цюй Дубянь цедил тёплое молоко.

Император Чунчжао встал размяться, Цюй Дубянь поплёлся следом, едва не наступив на подол императорского халата.

Когда же император направился к ширме, чтобы справить нужду, Цюй Дубянь преспокойно встал прямо перед ним.

Император Чунчжао замер. Терпение его лопнуло.

— Ты не устал?! — воскликнул он, так и не решившись справить малую нужду при сыне.

Цюй Дубянь захлопал ресницами, ухватился за край ширмы и вдруг выдал тонкий, свистящий звук:

— Псс-с-с...

Лицо императора Чунчжао начало стремительно темнеть, но ребёнок не унимался, повторив свист ещё пару раз.

— Тише ты! — зашипел Цюй Дубянь. — Спутник Е говорил, что когда детки хотят «псс-псс», им нужно свистеть. Я-то давно большой, а вот тебе помогаю... Ты теперь точно должен найти мне мотылька... м-м-м!

Евнух Юй, подскочив, подхватил Маленького принца на руки и плотно зажал ему рот ладонью.

«Боги, Ваше Высочество, только не это!» — мысленно взмолился он.

Император Чунчжао стоял чёрный как грозовая туча. Он окончательно убедился: этот ребёнок его ни капли не боится.

— М-м-м! — протестующе промычал Цюй Дубянь.

Выпутавшись из рук евнуха, он глянул на рассерженного отца, и в его глазах вспыхнул озорной огонёк.

— Я всё понял! — просиял мальчик. — Тебе не нравится, когда об этом говорят!

В его голове мгновенно созрел план.

— Дай мне мотылька, — Цюй Дубянь хитро прищурился, — иначе я всем расскажу, что император не может сам «псс-псс» без свиста! Хи-хи.

У императора Чунчжао подскочило давление.

— Цюй Сяо Ци! — прорычал он. — Довольно! Если не прекратишь паясничать, я немедленно отправлю тебя в загородный дворец!

Едва слова сорвались с губ, он пожалел об этом. Мальчик только начал тянуться к нему — пусть по-своему, неумело и дерзко, — но, возможно, не стоило быть столь суровым.

Улыбка мгновенно сползла с лица ребёнка. Цюй Дубянь замер, уголки его губ поползли вниз. Он молча вывернулся из рук евнуха Юя, подхватил край своего одеяльца и потащил его за собой по полу, не позволяя никому к себе прикоснуться.

Император Чунчжао, забыв о нужде, последовал за ним.

На пороге павильона Цюй Дубянь остановился.

— Взрослые — обманщики, — глухо проговорил он, не оборачиваясь. — Сначала обещают, а потом забирают слова назад. Больше не дам тебе фиников.

С этими словами он попытался перебросить одеяло через высокий порог. С трудом вскарабкавшись на него сам, он неловко запутался в ткани и повис на деревянном бруссе, беспомощно болтая ногами.

Император Чунчжао молча подошёл и, подхватив сына за шиворот, помог ему перебраться.

Цюй Дубянь даже не взглянул на отца. Волоча за собой одеяло, он стрелой бросился в главный зал и зарылся в объятия Е Сяюаня.

Как же стыдно!

Император остался стоять у дверей Западного тёплого павильона. В душе его странная горечь смешивалась с желанием рассмеяться над нелепостью ситуации.

— Ваше Величество, не гневайтесь, — мягко произнёс евнух Юй. — Маленький принц просто тянется к вам. Дети капризничают только с теми старшими, кому доверяют.

— Знаю, — кивнул император Чунчжао. — Он всю жизнь провёл в Цзюйань, его некому было учить правилам. Только передо мной он может быть самим собой.

Закончив с делами, император вернулся в спальню. Цюй Дубянь мельком взглянул на него и тут же отвернулся к стенке.

— Ещё не спишь? — спросил император Чунчжао.

Е Сяюань со смущением прошептал:

— Его Высочество... кажется, он ждал вас.

— Капризничал?

Младший сын тут же обернулся, в его глазах сверкнула обида:

— Капризничают только маленькие.

Император Чунчжао запнулся на полуслове. Е Сяюань привычно принялся сглаживать углы:

— Его Высочество вёл себя очень хорошо.

Император жестом отослал слугу. Присев на край постели, он осторожно коснулся пальцем плеча Цюй Дубяня.

— Давай поговорим. Днём я просто вспылил, никто не собирался тебя отсылать.

— Даже если бы и отослал — всё равно. Ты меня не любишь.

— Кто это сказал? — нахмурился император Чунчжао. — Вели выпороть того, кто болтает такую чушь.

Цюй Дубянь не оборачивался, но его маленькие плечи обиженно подрагивали.

— Ты со старшими братьями видишься, а со мной — нет. Я так по тебе скучал, сам к тебе пришёл, а ты меня даже не обнял... Спутник Е всегда говорил, какой ты хороший, а ты совсем не такой... То, что разрешил остаться — это только капельку хорошо.

Он бормотал с той обезоруживающей детской прямоотой, в которой искренняя любовь мешалась с горькой обидой. Чунчжао наконец осознал то, о чём твердил великий наставник Фан: этот ребёнок был не по годам умён, и договориться с ним было задачей не из лёгких.

— Ну... — замялся император. — Может, мне обнять тебя сейчас?

— Не надо. Все говорят, что я приношу беду. Если ты меня презираешь — пускай. — Цюй Дубянь наконец повернулся к отцу, в его голосе зазвучали гордые нотки: — У братьев есть матушки и ты, а я не пропаду. У меня есть Спутник Е, Вэнь Сяочунь и евнух Юй. Они ко мне добры.

Император Чунчжао промолчал. Перед глазами его встал весь внутренний двор: у каждого принца или принцессы была мать, заступница и опора. И только у Сяо Ци не осталось никого, кроме него самого. Даже старый лис Юй Дэчай вызывал у этого ребёнка больше доверия, чем родной отец.

Император сжал ладонь и негромко произнёс:

— Отныне, пока ты со мной, можешь позволять себе любые капризы.

Цюй Дубянь хитро прищурился:

— Прямо любые-любые? И большого чёрного мотылька можно?

— Спи уже, — император Чунчжао натянул на него одеяло. — И не смей больше проказничать. Поздно уже.

— Ладно.

Цюй Дубянь закрыл глаза. Стоило болезни отступить, как он стал куда спокойнее.

Император Чунчжао подвинул сына чуть дальше к краю кровати, готовясь наконец-то выспаться после двух бессонных ночей. Но стоило ему задремать, как тишину нарушил сонный лепет:

— Матушка...

Государь замер и открыл глаза.

— Матушка... — повторил ребёнок, ворочаясь во сне.

Император Чунчжао приподнялся на локте. Тени от свечи плясали на его лице. Он неловко протянул руку и начал легонько похлопывать сына по плечу, пытаясь успокоить.

— Мотылёк...

— Чёрный... чёрный мотылёк...

Император вздохнул и легонько ущипнул мальчика за щеку.

«Дался же ему этот мотылёк даже во сне!»

— Мотылёк...

Следующие полчаса история повторялась: едва император Чунчжао проваливался в сон, как этот «мотылёк» снова выпархивал из детских уст. Государь набрал полную грудь воздуха. Может, ну его? Пойти поспать в боковом павильоне или вовсе навеститься к какой-нибудь наложнице?

Он уже собирался встать, как вдруг этот невозможный, дерзкий и капризный ребёнок с нежностью прошептал:

— Папа.

Император Чунчжао на мгновение усомнился в собственном слухе. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал: мальчик действительно назвал его так во сне. Не «Ваше Величество», не официальное «Отец-император», а просто — папа. Не по этикету, но как же приятно это звучало.

Государь коснулся щеки сына и негромко пробормотал:

— Ну-ка, скажи ещё раз.

Цюй Дубянь лишь отвернулся и сладко засопел.

Мечтать не вредно. Одного раза достаточно. Если завтра он не увидит И Шиэра, он устроит такую истерику — небесам станет жарко.

Император Чунчжао подождал ещё немного, но, не дождавшись повторения, уселся на постели. Перед глазами стоял упрямый взгляд сына, весь день требовавшего своего «мотылька». Если не уступить, этот маленький кремень не успокоится. В конце концов, мальчик здоров, а капризы — дело наживное.

Пусть будет так.

Глубокая ночь. Казематы внутренней тюрьмы.

В тесной квадратной камере единственным источником воздуха было крохотное отверстие в стене.

На цепях, свисающих с потолка, неподвижно замер человек. Стальные крючья продели его плечи насквозь, удерживая на весу. Кровь медленно стекала с кончиков пальцев в чан, стоящий внизу. Этот метод не оставлял тайным стражам ни единого шанса на побег, полностью лишая их возможности двигаться.

Глава стражи литеры И вошёл в камеру и сухо произнёс:

— Глава управления сказал, ты выбрал смерть.

И Шиэр несколько раз кашлянул, его голос звучал надтреснуто и медленно:

— Быть... запертым навечно и лишиться сил... хуже смерти.

— Если бы ты не вмешался, с Маленьким принцем всё равно могло ничего не случиться, — продолжал стражник. — Без прямого приказа императора ты не имел права раскрывать себя. Таков Закон Тени. Я помню, когда ты только начинал обучение, ты вечно таскал с собой какую-то книгу. Как же она... а, неважно. Но из-за этой книги я сказал, что она слишком легко влияет на твои чувства. Ты не годишься в тайные стражи.

— Он действительно не годится для этой службы, и ему больше не придётся ею заниматься, — раздался голос от дверей. В камеру вошёл глава тайной стражи.

Глава стражи литеры И вздрогнул.

— Господин глава управления.

Тот поднял взгляд на И Шиэра, висящего в воздухе:

— Тебе повезло, что ты не так давно в наших рядах и не успел узнать слишком много тайн. Иначе отсюда бы ты не вышел.

Глава стражи литеры И опешил:

— Вышел?

И Шиэр должен был принять яд на рассвете. Как он может выйти? Разве что мёртвым?

— Именно, — кивнул глава тайной стражи. — Отныне твоим долгом будет присматривать за ребёнком.

Он едва заметно усмехнулся:

— Поздравляю... Большой чёрный мотылёк.

Впервые в истории тайной стражи боец сменил клинок на колыбель.

<http://bllate.org/book/16117/1587381>